

СОДЕРЖАНИЕ

- 06** ПРЕДИСЛОВИЕ
Александр Филоненко
- 10** СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ
Роберто Персико
- 12** ДАНТЕ, ПОЭТ
 ЖЕЛАНИЯ
- 45** ЧАСТЬ 1. АД
- 227** ЧАСТЬ 2. ЧИСТИЛИЩЕ
- 229** СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ
Роберто Персико
- 407** ЧАСТЬ 3. РАЙ
- 409** СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ
Роберто Персико
- 581** ЭПИЛОГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Божественная комедия» — средневековый христианский шедевр, который вот уже семьсот лет несет в себе неслышанное предложение для каждого читателя, сформулированное самим Данте в письме к Кан Гранде делла Скала: «вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья». Данте предупреждает, что «целое задумано не ради созерцания, а ради действия», что его задача не сводится ни к описанию потустороннего мира с адскими кругами и щелями, террасами чистилища и райскими сферами, ни к поэтическому изложению схоластической мысли или церковной истории. Его слово действительно, оно способно привести всякую человеческую душу в движение, устремленное к самому истоку Жизни. И цель этого действия в том, чтобы в посюстороннем мире, в наиболее современной повседневности каждого читателя, отделенного от Данте столетиями, открыть путь, выводящий из всякой, самой бедственной растерянности к счастью существования, пронизанного любовью. Свежесть и сила этого дерзновенного предложения скрыта от нас десятками переводов и томами комментариев. Мы часто входим в мир Данте, любуясь его готической архитектурой, прислушиваясь к музыке его стиха, прикасаясь к реалиям далекого, но влекущего Средневековья. Однако пришло время переоткрыть сквозь вековые наслоения *действенность* Данте, его способность быть, по слову отца Георгия Чистякова, «вечным спутником и незаменимым наставником».

Книга, которую мы держим в руках, посвящена именно этой задаче: «Данте берет за перо после того, как он увидел Бога, после того, как прошел весь путь... Он возвращается, чтобы собрать друзей и рассказать им: „Друзья, я буду сопровождать вас и покажу, как можно жить“, жить

на высоте собственного желания, ощущая, что ни один волос не упадет с головы, как обещано Иисусом в Евангелии, поскольку даже самая ничтожная деталь, слово или привязанность, зародившиеся сегодня вечером, симпатия, зародившаяся вчера, все, даже самая маленькая вещь, связано со звездами, бытием, тайной и поэтому спасено». За этим введением в «Божественную комедию», созданным выдающимся итальянским христианским педагогом Франко Нембрини, стоит его тридцатилетний опыт преподавания в самых разных аудиториях — от школьных уроков в основанной им школе «Ла Трачча» до лекций для домохозяек в театре Бергамо. Нембрини предлагает пережить вместе с Данте приключение, открывающее, почему бьется сердце, почему мы встаем по утрам и имеем мужество прожить каждый день, почему рождаем детей и, в конце концов, как находим самих себя.

Мы не только погружаемся в дантовский мир, но встречаемся с самими собой, а Данте оказывается спутником, который сопровождает современного читателя с его кричащими проблемами на пути его собственного сердца, ищущего Бога. Он — проводник, позволяющий за событиями каждого дня распознать Божественный замысел.

Эта книга — зрелый плод усилий Нембрини по созданию *новой христианской школы*, отвечающей на вызовы мира, который переживает тектонические изменения. В своем педагогическом манифесте «От отца к сыну» Нембрини утверждает, что новейший кризис воспитания есть *кризис отцовства*, уходящий в вековую историю: «Новое время восстало против фигуры отца, то есть фигура отца, отцовство обвиняется в авторитарности, и вся педагогика строится теперь на отрицании авторитета, во имя неверного и искаженного представления о свободе». Кризис воспитания — во взрослых, которые оказываются неспособными

стать *свидетелями* величия жизни для детей. Фигура Отца и есть фигура такого свидетеля — проводника. Совершенно дантовская фигура, из которой рождается педагогика Нембрини. Из воспитательного кризиса нам позволяет выйти лишь «очевидность чего-то настолько прекрасного, что позволяет тебе изменить твою идею, твое представление о счастье. То, с чего постоянно вновь начинается жизнь, — это встреча с чем-то настолько великим, прекрасным для тебя, что оно меняет все твои представления. И поэтому ты не можешь спорить с сыном о счастье, ты должен ему показать что-то такое, что изменяет, переворачивает его представления и заставляет двигаться его свободу, его разум». Отец свидетельствует о таком масштабе жизни, в котором способна раскрыться безмерная надежда человека на счастье. Этот масштаб — дантовский. А сам Данте позволяет не отводить глаз от труднейших вызовов не с целью защититься от них, а чтобы пройти через них к собственному счастью, открывая Божественные корни всякого человеческого желания: «Когда я говорю о “желании”, я имею в виду три вещи, в которых человек нуждается, чтобы жить: стремление познать Истину; желание любить познанную истину и жить ею; надежда на то, что Истина, которой человек живет, поможет воссоздать красоту и благо для всех».

Воспитательный подход Нембрини, позволяющий войти в самые трудные проблемы современного человека с евангельским ключом, уже находит широкое признание в православной педагогике. Работа с Данте, сделавшая его знаменитым в Италии, открывает новые перспективы для православной миссии, отвечая на потребность каждого сердца в сопровождении его на пути к высшему благу. На этом же пути самая удивительная весть Данте состоит в том, что преобразование человека осуществляется через следование за высшим милосердием: первым словом героя

«Божественной комедии» является *Miserere*, *смилуйся*, а в заключительной песне мы слышим гимн милующей Богородице. Данте зовет каждого своего читателя пройти путь «к состоянию счастья», следуя за милостью Божьей, а Нембрини настраивает наше сердце к тому, чтобы расслышать этот призыв сегодня.

*Александр Филоненко, доктор философских наук,
профессор Харьковского национального университета
им. В. Н. Каразина*

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

По свидетельству самого автора он впервые почувствовал любовь к Данте, когда ему было двенадцать лет. Он переносил по лестнице тяжелые винные ящики в погреб одной винокурни, и вдруг его, словно молнией, пронзили строки «Божественной комедии», внезапно пришедшие на ум: «Ты будешь знать... как трудно на чужбине / Сходить и восходить по ступеням»¹.

Именно тогда зародилась любовь Франко Нембрини к литературе. Позже она сделала из него преподавателя итальянской словесности в школах провинции Бергамо. Затем на некоторое время ему пришлось оставить преподавание в связи с возложенными на него административными обязанностями в «Обществе дел»². Но как-то один из его четырех сыновей, вспомнив о предстоящем зачете по Данте, сказал с упреком: «Папа, ты разъезжаешь повсюду с лекциями, а нам ничего не рассказываешь». И уже в следующее воскресенье Франко и двое его сыновей со своими друзьями говорили о Данте. Желающих участвовать в этих встречах становилось все больше, и в конце концов их число достигло двухсот. Одна из мам, заинтересовавшись лекциями, которые слушали ее дети, спросила Франко, не может ли он проводить такие же беседы и для родителей. Так возник цикл лекций «Данте для домохозяек», тексты которого вошли в трехтомник «В поисках утраченного „я“», вышедший в издательстве *Itaca*.

¹ Здесь и далее цит. по след. изданию: *Данте Алигьери. Божественная комедия* / Пер. с ит. М. Лозинского. — М.: Худож. литература, 1983. Все примечания в тексте сделаны редактором, за исключением примечаний переводчиков.

² *Compagnia delle Opere* — ассоциация предпринимательского типа, основанная в 1986 году выпускниками университетов и предпринимателями, членами движения «Общение и освобождение» по предложению отца Луиджи Джуссани. Сегодня в ассоциации состоят 34 000 предприятий малого и среднего бизнеса из Италии и 11 других стран. — *Прим. перев.*

Тем временем первые двести слушателей настолько увлеклись «Божественной комедией», что создали объединение под названием «Чентоканти»³. Его устав предписывал каждому участнику выучить наизусть одну песнь, чтобы объединение стало своего рода живой «Божественной комедией». Со временем молодые люди из «Чентоканти» стали посещать школы, культурные центры, чтобы рассказывать о том, что сами они узнали от Франко. В связи с этим возникла потребность в регулярных встречах для более системной работы по анализу поэмы.

Таким образом, когда в 2010 году Франко принял предложение ассоциации Обло (Сан-Паоло-д'Аргон) начать новый цикл бесед, посвященных Данте, его курс, с одной стороны, уже был проверен двадцатью годами преподавания в школе (Данте — это «один из нас», человек страстно влюбленный в жизнь и судьбу, и именно потому его стоит читать), а с другой — обогащен результатами работы «Чентоканти», в которой принимали участие и выдающиеся исследователи творчества Данте. (В частности, прочтение песни четвертой дано не по беседам Нембрини в Сан-Паоло, а по лекции профессора Марии Сегато, прочитанной на одном из семинаров «Чентоканти».)

Тот, кто знаком с другими работами Франко Нембрини о Данте, найдет здесь тот же искренний стиль, то же воодушевление, ту же способность обращаться непосредственно к каждому, то же стремление показать, что путешествие Данте отражает потребность каждого человека в «благе, в котором <...> душа»⁴.

*Роберто Персико, педагог,
составитель итальянского издания книги*

³ Сто песней (ит.). — Прим. перев.

⁴ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XVII. Ст. 67.

ДАНТЕ, ПОЭТ ЖЕЛАНИЯ

Те из вас, кто знаком со мной, не единожды слышали мой рассказ о том, что призванием к преподаванию, страстью к литературе и любовью к Данте я обязан юной учительнице Клементине Маццолени, которая, еще студенткой, преподавала в первом классе средней школы Трескоре Бальнеарио.

Сразу следует сделать одно важное замечание: данный курс не является курсом лекций для специалистов, вы не найдете в нем академического подхода. Я считаю себя экспертом по Данте только в прямом смысле слова «эксперт»: я экспериментирую, постигаю нечто на собственном своем опыте.

Я читал Данте в десятках школ, тысячам ребят, и меня все сильнее тянуло к этому чтению, и страсть моя постоянно возрастала: ведь произведение Данте — живое творение; как и все великие произведения искусства, оно вступает в диалог с человеком на таком глубинном уровне, что каждый читатель каким-то образом в своем ответе создает текст заново.

Тем, что мое понимание текста «Божественной комедии» стало глубже и богаче, чем тридцать лет назад, я во многом обязан работе с аудиторией: перечитывая отдельные строки поэмы, я могу назвать имя ученика и вспомнить выражение его лица в тот момент, когда он поднял руку и спросил: «Получается, что эти слова следует понимать *так-то* и они служат указанием, которым можно пользоваться и в жизни?» Вместе с ребятами все эти годы мы глубже и глубже проникали в текст и при каждом новом прочтении открывали в нем что-то новое.

Однако прежде чем приступить к песни первой «Ада», я хотел бы остановиться на том, что предшествовало появлению «Божественной комедии». Чтобы правильно подойти к ее прочтению, необходимо понять, как Данте пришел к ее написанию, что пережил этот человек и что поведал он в своем шедевре «Новая жизнь».

Разобраться в этом довольно просто. Можно предположить, что Данте — святой, лично я так и считаю. Некоторые исследователи называют «Божественную комедию» пятым Евангелием, другие — последней книгой Библии. Очевидно, что перед нами произведение искусства, которое по степени раскрытия тайны жизни, тайны человека, тайны Бога (Тайны всеобъемлющей) достигает невиданных высот: Данте создал самое гениальное литературное (и в определенном смысле мистическое) произведение, описывающее историю человечества.

Он святой, сумевший распознать нечто непознаваемое, и мы постараемся пройти вслед за ним тот длинный путь, где ему было позволено увидеть столь многое. Самое невероятное (и здесь мы немного забегаем вперед), что этот человек видел рай, он видел лицо Бога и, осознавая свою величайшую ответственность, решительно и достойно рассказал об этом. «Божественную комедию» можно считать свидетельством человека, говорящего: «Друзья, я видел Бога. Видел Бога! Мне было даровано понимание жизни и тайны человека, которым я и хочу поделиться с вами». По этой причине, мне кажется, необходимо проследить путь, проделанный поэтом, и попытаться понять, почему он вдруг берет перо, бумагу и начинает писать «Божественную комедию».

В качестве прелюдии позвольте сказать несколько слов о себе. Это прояснит мой способ чтения и взаимодействия с текстом. В какой момент я осознал, что могу говорить с Данте и что Данте говорит обо мне?

Как уже было упомянуто, пламенную любовь к Данте передала мне моя учительница: она общалась с нами как со взрослыми, трогательным образом ставя на нас, рискуя поверить, что у нас получится, увлекая своей страстью к литературе, и это завораживало меня. До сих пор помню, что после экзамена в третьем классе, пожимая ей руку, я сказал: «Обещаю, что стану преподавателем итальянского языка и литературы».

Я пообещал, поскольку благодаря ей увидел, что преподавание дает замечательную возможность делиться с другими всем самым прекрасным, что человек открывает и постигает в своей жизни. Она заставляла нас много трудиться, серьезно подходить к занятиям, мы прошли все, предписанное Министерством образования: «Ад» читали в первом классе, «Чистилище» — во втором и «Рай» — в третьем. Она заставляла нас учить отрывки наизусть, и я, будучи достаточно прилежным учеником, всегда это выполнял (раз есть что учить, нужно учить), даже если не понимал, какой в этом смысл. Понятно, что в таком возрасте подобное занятие кажется тягостным и трудным.

А потом произошел случай, ставший для меня переломным моментом: именно с ним я связываю зарождение во мне страстной привязанности к Данте — я открыл, какое значение может иметь литература в жизни человека.

Я был четвертым из десяти детей в семье. Наш отец болел рассеянным склерозом, поэтому, как только появлялась возможность, мы подрабатывали и тем самым помогали родным. Так, в конце первого класса средней школы я стал помощником в продуктовом магазине в Бергамо. Ради удобства и благодаря любезности владельца магазина я жил у него с понедельника по субботу: я не тратил денег на дорогу, меня кормили, поэтому нас это устраивало. Но

все же я очень страдал: в двенадцать лет оказаться вдали от дома и трудиться в поте лица...

Мне хотелось передать домой письмо — через мою тетю, которая часто ездила из Бергамо в Трескоре: рассказать маме о моих трудах, о том, как я устал, как скучаю по дому, но из-под пера выходили лишь малозначительные фразы, и я все выбрасывал.

Тот вечер я помню, как сейчас: в десять часов после тяжелого трудового дня меня попросили разгрузить машину, которая привезла бутылки с вином и водой. Я помню, как, не имея больше сил работать, я носил тяжеленные ящики по крутой лестнице и плакал. И вот, в очередной раз поднимаясь по лестнице, я остановился — оттого, что из глубин памяти вдруг всплыла терцина из «Рая», где пращур Данте Каччагвида предсказывает ему изгнание:

*Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.*

«Сходить и восходить по ступеням» — строки о том, чем я был занят. Я был поражен, буквально повержен, и потому спросил себя: «Как это возможно? Я из кожи вон лезу, пытаюсь найти верные слова, чтобы выразить происходящее со мной, и нахожу в произведении семисотлетней давности то, что описывает мой опыт. Значит, Данте говорит обо мне, значит, у него есть, что сказать мне».

Так во мне пробудился интерес¹, я понял, что нахожусь внутри «Божественной комедии». И, вернувшись домой, захлеб прочел ее; вскоре я понял, что мое открытие касалось и «Обрученных» Мандзони, и поэзии Леопарди,

¹ *Inter-esse* (лат.), то есть «находиться внутри». — Прим. перев.

и всей великой литературы... Более того, это касалось и великого искусства, и самой природы. Все так или иначе говорило обо мне, все было *интересным*. «Божественная комедия» стала моей историей; вся литература и все, что сказали великие, воспринималось как сказанное обо мне, все ставило передо мной вопросы, все могло мне что-то сообщить.

Я никогда этого не забывал, и именно с того момента я начал любить литературу, в первую очередь Данте, а затем и все остальное.

Тогда же я понял, в одно мгновение, почему стоит учить наизусть, а затем всю жизнь убеждался в правильности этой мысли. Поскольку память — это невероятная способность человека, в нужный момент она помогает извлечь именно те строки, те стихи и те образы, которые способны описать опыт настоящего, как случилось со мной в тот прекрасный день на лестнице. Настоящее оживляется памятью, сердце начинает вновь волноваться. Итальянское слово *ricordare* («помнить») означает — в несколько рискованном толковании — «возвращать сердцу». На диалекте Бергамо чтобы сказать: «Мне пришло в голову», мы говорим о сердце — *ta 'e in cor* («мне пришло в сердце, вернулось в сердце»). Во французском «наизусть» звучит как *par coeur*, в английском — *by heart*; и то, и другое буквально означает «через сердце» — запоминать сердцем, с помощью сердца. Практически во всех языках, как говорят мне специалисты, глагол «помнить» связан со словом «сердце»²: помнить — это делать что-то вновь присутствующим. Именно память является тем невероятным свойством человека, которое

² В итальянском языке глагол *ricordare* происходит от латинского *cor* («сердце») и приставки *re*, имеющей общее значение — «повторение» и «возвращение назад»; в русском языке глагол «помнить» этимологически связан с глаголом, обозначающим мышление: «мнить». — *Прим. перев.*

способно воссоздать в настоящем какой-то опыт, какую-то встречу.

Данте выразил это в строках «Рая»: «...исчезает вскоре / То, что, услышав, мы не затвердим»³; зачем знать что-то и потом не удерживать это в памяти, то есть не делать это своим, не уловить это?.. «Уловить» означает взять себе, поместить в свое хранилище. Это же передает итальянский глагол *capire*, произошедший от латинского *capere* (в прямом значении — схватывать)⁴, нечто является захватывающим, поскольку что-то в себе несет. Понимать, улавливать, то есть запоминать, иметь возможность использовать свое сердце как хранилище, способное осветить наш опыт в настоящем. Так шаг за шагом взрослеет человек.

Именно поэтому я всегда пытался донести до моих учеников следующее: «Почему стоит утруждать себя чтением и изучением Данте? Почему это стоит делать? Этот труд оправдывает себя, если мы говорим с Данте». Иными словами, это имеет смысл, если мы привносим в занятие свои вопросы, свою жизнь, свою драму, свой интерес к жизни. Тогда Данте начинает говорить с нашим сердцем и нашим умом, с нашими желаниями. И, начавшись однажды, этот диалог не закончится никогда.

Чтобы нагляднее объяснить это классу, я всегда цитировал один отрывок, но уже не из Данте, а из «Письма к Франческо Веттори» Никколо Макиавелли. Макиавелли также находился в изгнании и был недоволен своей жизнью, поскольку проводил день, по его собственному выражению, *изничтожая, убивая* его, как человек никчемный,

³ Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь V. Ст. 41–42.

⁴ Русский глагол «понимать» этимологически связан с глаголом «иметь», его значение — «брать, чтобы иметь». Сравним также с русским глаголом «овладевать» в переносном значении — «выучить, научиться». — *Прим. перев.*

презренный, нищий духом; но все же ежедневно что-то вы-
зволяло его из этой ничтожности.

*С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу
в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную
одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье,
достойное царей и вельмож⁵.*

Так и следует поступать! В жизни должен быть момент, ког-
да наконец можно сбросить, выкинуть «будничную одежду,
запыленную и грязную» (а пыль и грязь символизируют
повседневное существование, влачимое в низости, жизнь
среди ничтожных желаний и мелких предательств), что-
бы облачиться в «платье, достойное царей и вельмож»: мы
все — цари, цари над самими собой.

Вот о чем я говорю: необходимо вступать в диалог с «Бо-
жественной комедией», с автором, открыв свое сердце,
с чувством собственного достоинства, с осознанием своих
желаний и надежд.

*Я облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож;
так, должным образом подготовившись, я вступаю
в старинный круг мужей древности и, дружелюбно
ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой
единственно я рожден⁶.*

Дружелюбно, сердечно встреченный «мужами древно-
сти» — именно так Данте принимает тебя. Наконец-то и ты
можешь вкушать «ту пищу, для которой единственно

⁵ *Макиавелли Н.* Письмо к Франческо Веттори // *Макиавелли Н.* Сочинения истори-
ческие и политические. Сочинения художественные. Письма / Сост. М. Андреев, пер.
с ит. М. А. Юсима. М.: АСТ, 2009.

⁶ Там же. С. 454.